

УДК-93/94

Дударев Сергей Леонидович

доктор исторических наук,
профессор, профессор кафедры
всеобщей и отечественной истории
ФГБОУ ВО «Армавирский
государственный педагогический
университет» (г. Армавир)

Dudarev Sergey Leonidovich

Doctor of Historical Sciences,
Professor, Professor of the
Department of General and National
History, Armavir State Pedagogical
University (Armavir)

**ЭТНОПОЛИТИЧЕСКАЯ
И СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ
ОБСТАНОВКА НА УКРАИНЕ
В КОНЦЕ 1918 – НАЧАЛЕ 1919 Г.
(ПО ПРОИЗВЕДЕНИЯМ
М.А. БУЛГАКОВА)**

**ETHNOPOLITICAL AND
SOCIOCULTURAL SITUATION
ON UKRAINE AT THE END
OF 1918 – EARLY 1919
(BASED ON M.A. BULGAKOV'S
LITERATURE WORKS)**

Аннотация:

Современные события на Украине поставили сообщество отечественных историков перед необходимостью ответить на вопрос об особенностях и этапах формирования украинской идентичности. Одной из весомых попыток такого ответа является монография В.А. Матвеева «Украинский кризис 2014 г.: ретроспективное измерение» (Ростов/нД, 2015). Со своей стороны, автор данной статьи стремится осветить один из судьбоносных моментов формирования украинской нации, которого касается В.А. Матвеев в названной выше работе, с опорой на оригинальные литературные источники, являющиеся, на наш взгляд, интересным дополнением к работе указанного ученого. Этим моментом был период гражданской войны в России. Источники, которые анализируются нами – это роман М.А. Булгакова «Белая гвардия», пьеса

Abstract:

Current events in Ukraine have required domestic historians to answer the question about the features and stages of the formation of Ukrainian identity. One of the serious attempts of such a response is the monograph of V.A. Matveyev "The Ukrainian crisis of 2014: a retrospective measurement" (Rostov / on Don, 2015). The author of this article seeks to highlight one of the fateful moments of the formation of the Ukrainian nation, which V.A. Matveyev considers in the above-mentioned work, relying on the original literary sources, which, in our opinion, is an interesting addition to the work of this author. This moment was a period of civil war. The sources that we analyze are M.A. Bulgakov's novel "White Guard", and his play "Days of the Turbins", as well as the edition of one of the early chapters of the "White Guard".

того же автора – «Дни Турбиных», а также редакция одной из ранних глав «Белой гвардии». Обращение к ним дает возможность насытить этнополитической и социокультурной конкретикой атмосферу событий конца 1918 – начала 1919 г. в Украине и особенно в г. Киеве с точки зрения реалий и перспектив политики «украинизации», проводившейся тогдашними местными политическими силами. Мы приходим к выводу, что по произведениям М. А. Булгакова можно охарактеризовать две модели «украинизации» – гетманскую и «петлюровскую». Первая отличается известной толерантностью к неукраинским элементам, вторая – абсолютной нетерпимостью к ним. Население г. Киева указанного времени было представлено, преимущественно русскоязычной средой (интеллигенция, средние слои), критично относившейся к украинизации (пример – семья Турбиных, ее окружение и т. п.). Украиноязычными слоями г. Киева (полностью или частично) были, прежде всего, пролетарские и люмпен-пролетарские слои. Рост проукраинских настроений в их экстремистском варианте переживал быструю тенденцию к росту в ходе наплыва в г. Киев петлюровских войск Директории. В то же время, среди носителей украинского языка г. Киева были и сторонники большевизма, пролетарского интернационализма, идей братства народов. Петлюровщина, тотальная украинизация, и т. п. не пользовались

Reference to them makes it possible to saturate with ethno-political and sociocultural specifics the atmosphere of the events of late 1918 – early 1919 in Ukraine and especially in Kiev from the point of view of the realities and prospects of the policy of "Ukrainization" conducted by the then local political forces. We conclude that, based on the works of M.A. Bulgakov, two models of "Ukrainization" can be characterized – the hetman and the "Petliura" ones. The first is distinguished by a certain tolerance for non-Ukrainian elements, the second – by absolute intolerance towards them. The population of Kiev

of that time was represented mainly by Russian speakers (the intellectual class, middle classes), which did not approve of Ukrainization (for example, the Turbins family, their environment, etc.). The Ukrainian-speaking layers of Kiev (completely or in part) were, above all, the proletarian and lumpen-proletarian layers. The growth of pro-Ukrainian sentiments in their extremist version experienced a rapid upward trend during the influx of Petliura Directorate troops in Kiev. At the same time, among the speakers of the Ukrainian language in Kiev were supporters of Bolshevism, proletarian internationalism, brotherhood of nations. Petliurism, total Ukrainization, etc. did not then enjoy the general support of the Ukrainian population. At the same time, "parochial elements" played the role of an accelerator of the Ukrainian ethnic mobilization. With their active participation, a phenomenon matured

в рассматриваемое время всеобщей поддержкой населения Украины. В то же время, «местечковые элементы» играли роль ускорителя украинской этнической мобилизации. С их активным участием медленно, но верно в перспективе вызревало явление, еще в советское время получившее наименование и осуждение – украинский буржуазный национализм. Сегодня перед российской исторической наукой стоит важная задача развенчания этого феномена, наносящего огромный вред российско-украинским отношениям, и с этой целью отечественные историки могут и должны использовать источники разнообразного характера, позволяющие вскрыть генезис украинского буржуазного национализма для борьбы с его проявлениями.

Ключевые слова:

украинская идентичность, украинский кризис, южнороссийский сепаратизм, «украинизация», Центральная Рада, гетман, Директория, «Белая гвардия», «Дни Турбиных», украинский буржуазный национализм.

slowly but steadily later critically called in Soviet times “Ukrainian bourgeois nationalism”. Today, Russian historical science is faced with the important task of debunking this phenomenon, which inflicts great harm on Russian-Ukrainian relations, and to this end, domestic historians can and must use sources of diverse nature that can reveal the genesis of Ukrainian bourgeois nationalism to combat its manifestations.

Keywords:

Ukrainian identity, Ukrainian crisis, South Russian separatism, “Ukrainization”, Central Rada, hetman, Directory, “White Guard”, “Days of the Turbins”, Ukrainian bourgeois nationalism.

Поводом для написания данной статьи явилось опубликование в 2015 г. монографии известного историка-кавказоведа В.А. Матвеева, посвященной истокам украинского кризиса 2014 г. [1]. В этой интересной и ценной работе, в частности, емко прослеживаются этапы становления современного украинского этнического сознания, самый последний из которых разворачивается сегодня уже на наших глазах. В то же время, невозможно сказать, что те или иные из них изучены окончательно и сняты все имеющиеся вопросы. По-прежнему существует необходимость обращения к конкретным историческим страницам складывания украинской идентичности, для того,

чтобы как можно более достоверно и отчетливо проследить особенности ее генезиса в ту или иную историческую эпоху. Мы не ставим сейчас перед собой задачи предоставить целостную рецензию на работу В.А. Матвеева. Наша задача – осветить один из судьбоносных моментов формирования украинской нации, которого касается В.А. Матвеев в названной выше работе, опираясь на литературные источники (о них будет сказано ниже), которые могут и должны быть учтены при дальнейшем исследовании освещаемого вопроса.

Этим моментом, несомненно, был период гражданской войны в России. Именно в то время проверялось на прочность социально-политическое и культурно-историческое единение народов всей нашей страны, в том числе, восточнославянских, складывавшееся веками. В.А. Матвеев отмечает, что накануне революционных перемен восточнославянское сообщество составляло единую имперскую нацию. В то же время, уже накануне первой мировой войны появились публикации о «южнорусском сепаратизме», которые в той или иной форме отражали складывающуюся реальность. Как указывает ученый, с 1917 г. наименование «украинцы» под воздействием пропаганды вводилось в употребление¹. Но общепризнанная украинская идентичность до 1917 г., по мнению автора, отсутствовала, и апеллирование к ней вызывало даже у населения собственно «малороссийских губерний» недоумение. Наименование «украинец» в 1917 г., констатирует В.А. Матвеев, отображало «национально-политические» устремления, опиравшиеся на меньшинство [1, с. 182–183].

Если тезисно представить те события, которые имели место в г. Киеве, как и на территории всей Украины, в 1917-1919 гг. (читателю станут понятны эти хронологические рамки, как только мы перейдем к анализу наших главных источников, важных для понимания рассматриваемой темы), то необходимо указать на следующие положения монографии В.А. Матвеева, касающиеся названного исторического промежутка.

Рупором и выразителем сепаратистских сил выступила Центральная Рада (далее ЦР). Этот орган предпринял немало усилий для того, чтобы создать

¹ Есть мнение, что этноним «украинец» появился в XV-XVI вв. и на протяжении XVII-XIX вв. употреблялся наряду с наименованием «малоросс» [6, с. 170].

начатки государственной власти, создав правительство (представленное самой же Радой), министерство («секретариат»), первую конституцию («универсал») [1, с. 190]. Главным идеологом национально ориентированных сил выступил М.С. Грушевский, который очертил границы нарождающегося государства, простиравшиеся вплоть до Кубани и Ставрополья. По В.А. Матвееву, ЦР не имела поддержки местного самоуправления ни в одном городе Украины, в том числе и в Киеве. Однако, пользуясь углублением кризиса государственной власти, ЦР провозгласила автономию Украины в составе Слобожанщины и Новороссии, включая значительную часть Донбасса. Поступая так, данный орган не учитывал реальное состояние самосознания. Значительная часть населения считала себя русским. Русский язык, как явствует из опубликованной в газете «Киевская мысль» 27.07.1917 г. записки «Киевского университета Временному правительству», все представители сообщества «с законной гордостью и почти на равных правах могут назвать своим» [1, с. 196]. Автор делает вывод, что тенденция на независимое от России национальное украинское государство не являлась преобладающей, неоднократно оговаривая, что значительная часть населения даже собственно малороссийских губерний была «против идеи автономии и украинизации», и т. д., но в условиях революционной трансформации происходило ее усиление. Под влиянием публицистики и агитации в духе Грушевского в сознание масс внедрялось наименование «украинцы», которое привносилось из восточнославянских провинций Австро-Венгерской империи, дискриминировалось понятие «малороссы», шел взлом восточнославянской исторической кодификации [1, с. 202–203].

Попытки украинизации принимались и по ходу гражданской войны. Они, как указывает В.А. Матвеев, не принимались населением не только в городах, но и в сельской местности. В 1918 г. даже в Киеве неоднократно срывались национальные флаги, а вместо них поднимался российский стяг. Наиболее же жестко идеалы украинского национализма стали навязываться во времена Директории, которая в декабре 1918 г. запретила пропаганду федерализма, угрожая за это наказаниями, вплоть до смертной казни. Впрочем, и во времена Петлюры, констатирует исследователь, националистические установки ЦР и Директории не срабатывали [1, с. 213].

Итак, мы дали своего рода экспозицию понимания ситуации В.А. Матвеевым в указанный выше период. Это было сделано для того, чтобы на фоне данных компетентных суждений рассмотреть теперь такие интересные источники, которые не могут быть не привлечены к анализу обстановки на Украине, но особенно в г. Киеве на рубеже 1918/1919 гг., как: знаковый роман одного из выдающих русских писателей XX в., М.А. Булгакова «Белая гвардия», его пьеса по этому роману – «Дни Турбиных», а также отдельные редакции некоторых глав указанного романа [2; 3; 4], написанные человеком, непосредственно наблюдавшим вышеуказанные процессы и выразившим к ним личное отношение устами героев своих знаменитых произведений.

Действие «Белой гвардии» происходит на фоне последних месяцев и дней режима Скоропадского, который держался не столько на остатках верных ему частей бывшей старой армии, сколько на германских штыках. Немцы, с их реквизициями и шомполами, гетман, с вернувшимися помещиками, офицеры, вызывали искреннюю ненависть сотен тысяч украинских мужиков. Мечтания их, образно высказанные писателем, были весьма характерны для народных представлений о справедливом порядке: вся земля мужикам; каждому по 100 десятин, документ на вечное владение этими десятинами, никаких реквизиций хлеба городской «шпаной» (вот как крестьяне воспринимали «пролетариат»), иначе он будет закопан в землю; чтобы из города привозили керосин. Впрочем, М.А. Булгаков тут же делает ироническое резюме: «Ну-с, такой реформы обожаемый гетман произвести не мог. Да и никакой черт ее не произведет» [2, с. 230], явно намекая на то, что и при большевиках подобные требования будут утопическими. Но все это случится потом. А пока, в украинских местечках, буквально нашпигованных зарытыми в землю громадными арсеналами оружия, принесенного и привезенного с фронтов и т. п., в качестве выразителей народных чаяний становятся народные учителя, фельдшера, однодворцы (это название Булгаков употребляет по традиции; сословие однодворцев было упразднено в 1866 г.), украинские семинаристы, ставшие младшими офицерами, штабс-капитаны с украинскими фамилиями и др. Этот широкий слой преимущественно местечковой интеллигенции, полуинтеллигенции, выходцев

из среды мелких землевладельцев, получает очень важную характеристику с точки зрения назревающих событий, а именно, появления на авансцене такого «героя», как С.В. Петлюра. По Булгакову, все эти люди говорят на украинском языке, все любят Украину волшебную (не Малороссию – Авт.), воображаемую (sic! – такой Украины пока что нет в реальности – Авт.), без панов, без офицеров-москалей, и выражают чаяния тех (внимание!), кто ненавидит «Москву, какая бы она ни была – большевистская ли, царская или еще какая». Это, по существу, послание в будущее... И тут же читаем важнейшее дополнение писателя: «И тысячи бывших пленных украинцев, вернувшихся из Галиции. Это в довесочек к десяткам тысяч мужичков?.. О-го-го!» [2, с. 231]. Здесь скрывается четкое указание Булгакова на «радикализирующий», «пусковой» момент назревающей ситуации: роль в будущих событиях бывших австрийских военнопленных, пришедших элементов из Галиции (писатель тогда еще не мог знать, что это было подрывной акцией австрийского Генштаба). Наплыв «галичан» вкупе с массовой украинизацией школ стал той питательной средой, которая дала резкий рост идей самостоятельности и послужила базой для петлюровской пропаганды [1, с. 217], а потом и петлюровских вооруженных формирований, способствовала взлому восточнославянской исторической кодификации (по В.А. Матвееву, см. выше).

Вся эта огромная людская масса, пока еще скрытая за горизонтом синей морозной дымкой наступающей зимы 1918/1919 гг., но уже пришедшая уже в опасное движение, вот-вот ворвется в мир главных героев романа и навяжет свои жестокие правила игры.

Уже в самом его начале один из них, военврач Алексей Турбин в споре с друзьями, собравшимися на квартире Турбиных, клеймя политику гетмана Скоропадского, ставит последнему в вину то, что тот «терроризировал русское население этим (т. е. украинским) *гнусным языком, которого и на свете не существует*» (курсив наш. – Авт.) Нарастивая градус своего антиукраинского выпада, Турбин обвиняет гетмана в том, что он «сам не говорит на этом *проклятом языке!*» (курсив наш. – Авт.) [2, с. 208]. Продолжая гневную речь, А. Турбин называет украинизацию «гнусной комедией». По мнению Турбина-старшего, украинизация и внедрение, как сейчас говорят

в Украине, «державной мовы», была делом чисто политическим. Кстати, это подтверждается писателем самым первым упоминанием украинского языка в романе виде цитирования надписи на гетманской банкноте достоинством в 50 карбованцев (рублей) [2, с. 203]. Точка зрения А. Турбина не встречает полной поддержки в компании. Шервинский (адъютант гетмана) резонно возражает: «Край украинский, здесь есть элементы, которые хотят балакать на этой мове своей – пусть!» и тут же получает возражение Турбина, что носителей «мовы» всего пять процентов, а девяносто пять – русские, с чем Шервинский вынужден согласиться. Неуверенная позиция Шервинского становится понятна, если мы, в данном случае, обратимся также к не менее, чем роман, знаменитой пьесе Булгакова «Дни Турбиных», как, условно говоря, своеобразному его «конспекту». Она менее информативна с точки зрения поставленной задачи, но порой содержит нюансы, позволяющие лучше уяснить мотивы действия героев романа. В ней, например, детально описывается сцена бегства Скоропадского из Киева. Важной для нас деталью является та, что гетман требует у своего адъютанта обратиться к нему на «языке страны». Указав на пародийность ситуации (гетман собирается бежать, но требует доклада на украинском языке!) подчеркнем то, что Шервинский оказывается не в состоянии изъясняться с помощью украинской лексики и гетман разрешает ему докладывать по-русски [3, с. 35]. Кстати, в описанной выше сцене турбинской критики украинизации, вошедшей также и в пьесу, резкие оценки Турбина-старшего, были уже сильно сглажены писателем [3, с. 26]. Куда более сдержанными в отношении оценок украинского языка выглядят и суждения героев романа в ранней редакции последней главы «Белой гвардии». Ярый противник украинского языка А. Турбин только просит брата Николку не говорить на этом языке, а тот в шутку отвечал: «Вибачаюсь» (т. е. «Извиняюсь» – укр.). В главного же критика украинского языка превращается Мышлаевский, который с подачи другого героя, Карася, настаивал на том, что «никогда на таком языке никакой дьявол не говорил» [4, с. 533], и вообще язык этот выдумал Винниченко. Упоминание этого деятеля, т. е. известного украинского политика, революционера, писателя В.К. Винниченко, показательно для автора романа. Винниченко соглашался на советскую власть на Украине,

только при условии, чтобы ему дали полную волю в деле украинизации и заявлял: «Точно так, как вы создали диктатуру рабочих и крестьян в России, так нам надо создать диктатуру украинского языка на Украине»¹. Более того, номинально именно он был главой Директории, а Петлюра возглавлял ее вооруженные силы. Но в основном тексте романа «Белая гвардия», как и в «Днях Турбиных», в конечном счете, во главе свергнувших гетмана сил писателем поставлен только Петлюра, как фигура для Булгакова (и не только) более одиозная, как символ полного произвола и насилия, на фоне которой даже грозные и ненавистные большевики выступают носителями порядка и гарантами спокойствия. Больше того, в той же ранней редакции последней главы «Белой гвардии» Мышлаевский позволяет себе даже сострить в том духе, что даже если большевики и «поотвинчивают нам всем головы», то сделают это сразу и на русском языке [4, с. 538].

Но вернемся к основному тексту романа. Микросреда, в которой развивается его действие – семья Турбиных и их друзей – бывших офицеров царской армии (а затем и гетманских формирований). В ней, как явствует из сказанного, отношение к украинскому языку, в лучшем случае, отрицательно-насмешливое. Фраза на нем может прозвучать только в ироническом ключе (например, при встрече Мышлаевского и переодетого в штатское Шервинского, когда первый говорит второму: «Здоровеньки були, пане добродзиу»). Эта среда репрезентативна по-своему, но тот срез, который даст нам право сделать ниже некоторые вводы, гораздо шире – это население г. Киева. Автор умелыми мазками дает панораму, дающую возможность оценить соотношение различных этно-политических и социо-культурных элементов, определяющих общественные настроения в «матери городов русских». И первым же человеком, который заговаривает в романе на украинском языке не в шутку, а в привычной для себя бытовой обстановке, показательно выступает молочница Явдоха, с которой общается зажиточный мещанин Лисович, по кличке «Василиса». Он сам, возможно, по национальности украинец, но на украинском языке говорит с большим трудом, причем, только в ситуации, когда подвергается насилию со стороны тех, кто

¹ Как показывают последние события в Украине, последователи Винниченко сейчас идут по его стопам, принудительно навязывая украинский всему населению этой страны.

изображает из себя представителей новой, петлюровской, власти. Дальнейшее повествование показывает, что другие горожане – носители украинского языка, постоянно проживающие в Киеве – это так же, как и Явдоха, прежде всего, представители городских низов (дворник, смотритель в морге...), которые до поры растворены в массе горожан, имеющих более высокий социальный статус. В романе отмечены две важные критические точки этномобилизационного характера, которые поставили на повестку дня переоценку этнокультурной и лингвистической ситуации уже в самом городе Киеве. Первая – это март 1917 г., когда здесь появились люди в серых шинелях и шароварах – мобилизованные, не желавшие идти на фронт, и заявившие, что город их, украинский, а вовсе не русский [2, с. 197]. Вторая же была связана с тем, что в Киев ворвались не дезертиры-оборванцы, а отмобилизованные войска Симона Петлюры. Вторая точка была много значимей первой. И это сразу же активизирует деятельность специфической группы городского плебса, причем, якобы, под вывеской деятельности уже новых властей, под флагом наказания за укрывательство материальных ценностей от «добрых людей». На квартиру к «Василисе» являются, уже выследившие, как он прятал, «все, что нажито упорным трудом», представители киевского криминала и грабят обывателя. Маркерным для того слоя, который они представляли, а именно – люмпенов – является речь главного из них. «Он говорил на страшном и неправильном языке – смеси русских и украинских слов», том языке, на котором говорили грузчики с пристани на Подоле [2, с. 368]. Иными словами – подобный смешанный язык – это лексика маргиналов. Но не они, в конечном счете, вот-вот начнут «править бал».

На улицах Киева, по которым марширует петлюровское воинство, особенно запомнившееся «элитой» – синежупанниками-галичанами, следует тяжелое вооружение, клокочет, бурлит толпа, которая вслух высказывает свои впечатления от увиденного. И в этом потоке фраз сказанное на украинском языке отнюдь не доминирует численно. Но носители украинской речи на фоне происходящего испытывают явный подъем, если не эйфорию. Они доминируют ситуационно, откровенно прессингуя в толпе всех тех, кто хоть что-либо имеет против новых реалий, причем, парадоксально то, что говорящие на украинском языке лица не желают поддерживать

на русском языке даже те темы, которые должны быть «приятны» сторонникам Петлюры (например, тему еврейских погромов) [2, с. 383]. Они ревниво следят, чтобы русскоговорящие не сеяли досужих домыслов об их кумирах, особенно, самом Петлюре [2, с. 388–389]. Даже повальный разгул карманников в толпе, который ошарашил обывателя и приобрел страшные, дикие формы, когда преступники рвали серьги прямо с мочками у женщин практически на виду у всего народа, вызывал у симпатизирующих Петлюре горожан не сочувствие, а издевательские комментарии: «Це вам не Россия, добродию». Недоумевающих же поводу творящегося на улицах говорящих по-русски мещан, эти горожане побуждали уходить домой, «бо тут вам робыть нема чого», это не их «праздник», главные теперь «украинцы». И это обстоятельство ясно видно из слов одного из них: «От строго заборонють, щоб не було бильш московской мови» (строго запретят, чтобы не было больше московского (т. е. русского) языка – укр.). Вот, по сути, гвоздь программы нового правления и его квинтэссенция, ожидавшаяся с нетерпением национально ориентированной частью аудитории. Следующий же «коронный» пункт петлюровской программы в изложении ее заинтересованных уличных комментаторов – это поход на Москву. На это следует чей-то короткий ответ: «Руки коротки» и тут же раздается призыв «хлопцам» хватать возразившего... Ему удастся бежать. Но вот в соседнем переулке куда меньше повезло опознанным офицерам, расстрелянным петлюровцами прямо на месте [2, с. 390].

Этот разгул вседозволенности по отношению к людям, связанным со старой, самодержавной, да и гетманской, властью, охватывает и некоторых русскоговорящих, с упоением подхватывающих разговоры о погромах, убийствах офицеров и помещиков.

И вот тут очень точно ситуативно в толпе появляется большевистский агитатор, который пытается перехватить инициативу в управлении настроениями масс. Он начинает свою речь на украинском, чтобы, вероятно, привлечь внимание и говорящих на этом языке, как на родном, и не вызвать немедленного отторжения. Его выступление, тем не менее, на ходу теряло свою украинскую внешнюю оболочку, пока, наконец, в них отчетливо не прозвучало знаменитое: «Советы рабочих, крестьянских и красноармейских

депутатов. Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». И в этом сказалась не только ориентация большевиков на русский язык, как главное средство общения между сторонниками Советской власти. Прозвучавший клич, проникнутый духом пролетарского интернационализма, вызвал мгновенный положительный отклик среди части украинской аудитории. В задних рядах, в ответ на призыв большевика закричали «Слава!!», но главное, несколько мужских и женских голосов запели «Як умру, то...». Тут же нашлись те, кто закричал: «Тримай! (т. е. держи). Большевик! Москаль!» и оратор после того, как окончательно снял с себя маску, вынужден был вынужден немедленно ретироваться. Но слова «Як умру...» многое значили в этой мизансцене. Это начало знаменитого «Заповіта» (т. е. «Завещания») Т.Г. Шевченко:

«Як умру, то поховайте/Мене на могилі/Серед степу широкого/На Вкраїні милій, /Щоб лани широкополі, /І Дніпро, і кручі/Було видно, було чути,/Як реве ревучий./Як понесе з України/У синєє море/Кров ворожу... отойді я/І лани і гори –Все покину, і долину/До самого Бога Молитися... а до того Я не знаю Бога./Поховайте та вставайте,/Кайдани порвіте/І вражою злою кров'ю/Волю окропіте./І мене в сем'ї великій, В сем'ї вольній, новій,/Не забудьте пом'янути/Незлим тихим словом» [5]. По мнению некоторых современных российских ученых (Г.Г. Матишов), Шевченко «дал идеологическое оружие в руки тем, кто придал украинской теме националистическую окраску» [6], и данные стихи можно рассматривать в качестве подтверждения этой мысли. Но М.А. Булгаков, являвшийся частицей исторической ситуации на Украине в начале XX в., понимал, по нашему мнению, значение этих стихов, уже ставших песней, иначе. Это только предположение, но, возможно, для Булгакова, содержание «Як умру...» было мечтой о новой стране, которая стала бы родиной для всех трудящихся. Вот почему в «Белой гвардии» агитка большевика тут же вызвала такую реакцию у тех украинцев, кто стоял за братство рабочих и крестьян, независимо от их национальной принадлежности, за ту самую «великую и новую семью», к которой звал Кобзарь.

Завершение же романа проходит уже без обсуждения лингвистических проблем, или какого-либо их упоминания. Ибо, несмотря на всю внушительность петлюровских сил, их мощь оказывается кажущейся и эфемерной перед лицом пришествия большевиков в лице красноезвездного бронепоезда

«Пролетарий». Разумеется, появление его в финале романа – это символ скорой *будущей* победы коммунистов. На самом деле, борьба с Директорией еще продолжалась. Но и победа Советской власти отнюдь не означала снятие языковых вопросов. Совсем наоборот. Украинизация с приходом советской власти не только не исчезла с повестки дня, но стала в 1920-е – начале 1930-х гг. гг. императивом государственной политики не только в Украине, но и на Кубани, став, на определенном этапе, уже орудием проведения советизации этих регионов (см. указанную монографию В.А. Матвеева), оказавшись, совершенно парадоксальным образом, универсальным инструментом-перевертышем в ходе общественных преобразований. Впрочем, это уже совсем другая история.

Подведем итоги сказанного выше.

1. М.А. Булгаков, который не являлся политиком и, тем более, сторонником Советской власти, был, тем не менее, ярким и тонким художником слова, видевшим суть происходящего, хорошо представлял себе социальную опору гетманства и сил Директории, которая скрыта у него под общим обликом режима Петлюры. С одной стороны – это помещики, офицеры и др. представители фактически еще старого режима, опирающиеся на немецких оккупантов. С другой – представители местечковой мелкой буржуазии, интеллигенции и близких им слоев. И тех, и других объединяет одно – отрицание русского языка, стремление к тотальной украинизации, ненависть к большевикам и Москве. Но «гетманская» и «петлюровская» модели украинизации неодинаковы. Первая, при всей ее националистической риторике, в чем-то поверхностна, декларативна, и в известной степени, как ни поразительно, «толерантна» (хотя, скорее, прагматична) – на службе у гетмана находились и представители прежнего офицерства и еврейских слоев г. Киева. Вторая представляет собой воинствующий национализм, перерастающий в звериную, патологическую ненависть к тем и другим. И офицеры, и лица еврейской национальности уничтожаются на месте. Особо изощренной жестокостью отличаются расправы с евреями, которые встречаются в разных произведениях Булгакова, касающихся темы гражданской войны. Они, можно сказать, «фирменный» знак петлюровской власти, которая являлась прямой предшественницей бандеровщины.

2. Население г. Киева в конце 1918 – начале 1919 гг. было представлено, преимущественно русскоязычной средой, интеллигенцией, средними слоями, для которой потребность в украинизации не была императивом. Особенно критично к украинизации относились представители русской интеллигенции вроде семьи Турбиных и ее окружения. Украиноязычными слоями г. Киева (полностью или частично) были, прежде всего, пролетарские и люмпен-пролетарские слои. При этом их приверженность идее украинизации не может рассматриваться как безусловная. Но рост проукраинских настроений переживал быструю тенденцию к росту в ходе притока вооруженных носителей украинского языка, особенно наплыва в г. Киев петлюровских войск Директории, которые задавали атмосферу и тон в городе, отличавшуюся агрессивностью и нетерпимостью к иноэтничным элементам, готовностью к их подавлению, и даже прямому и жестокому физическому устранению. В то же время среди украиноязычных жителей Киева, по М.А. Булгакову, были и сторонники большевизма, пролетарского интернационализма, а также идей братства народов в духе Т.Г. Шевченко. Петлюровщина, тотальная украинизация и т. п. не пользовались в рассматриваемое время всеобщей поддержкой населения Украины, в чем, безусловно, прав В.А. Матвеев, но этот тренд в то же время явно набирал силу, особенно в местечках. «Местечковые элементы» играли роль ускорителя украинской этнической мобилизации. С их активным участием медленно, но верно в перспективе вызревало явление, особенно ярко проявившееся в первой половине 1940-х гг. и получившее в нашей стране еще в советское время наименование *украинский буржуазный национализм*. Подвергнувшееся обоснованной и разносторонней критике в советской исторической науке и официально осужденное, как вредное явление, оно пользовалось молчаливой поддержкой определенной части украинской аудитории и в период после разрушения СССР пережило свое возрождение в Украине. Сегодня перед российской исторической наукой стоит важная задача развенчания этого феномена, наносящего огромный вред российско-украинским отношениям, и с этой целью отечественные историки могут и должны использовать источники разнообразного характера, позволяющие вскрыть генезис украинского буржуазного национализма для борьбы с его проявлениями.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Матвеев В.А. Украинский кризис 2014 г.: ретроспективное измерение (особенности исторической кодификации в восточнославянской этнической среде на юге Российской империи и ее проявление в новейшую эпоху). – Ростов/нД.: Омега-Принт, 2015. – 320 с.
2. Булгаков М.А. Белая гвардия // Булгаков М.А. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 1. М., 1989. – 623 с.
3. Булгаков М.А. Дни Турбиных // Булгаков М.А. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 3. М., 1989. – С. 7-76.
4. Булгаков М.А. Ранняя редакция последней главы романа «Белая гвардия» (1925) // Булгаков М.А. Собрание сочинений в пяти томах. Т.1. – М., 1989. – С. 524-546.
5. URL: <https://www.t-shevchenko.name/uk/Kobzar/1845/Zapovit.html>.
6. Матишов Г.Г. Украина: геостратегический разворот (уроки истории – от Эльбы до Миус-фронта 2014 г.). – Ростов н/Д., 2014. – 384 с.

REFERENCES

1. Matveev V. A. *Ukrainskiy krizis 2014 g.: retrospektivnoe izmerenie (osobennosti istoricheskoy kodifikatsii v vostochnoslavianskoj etnicheskoy srede na yuge Rossijskoj imperii i ee proyavlenie v novejsheyu epokhu)* [Ukrainian Crisis of 2014: a Retrospective Measurement (Features of Historical Codification in the East Slavic Ethnic Environment in the South of the Russian Empire and its Manifestation in the Modern Era)]. Rostov/on Don, Omega-Print, 2015. 320 p.
2. Bulgakov M. A. *Belaya gvardiya* [White Guard]. A complete collection of works. M., 1989. Vol. 1, 623 p.
3. Bulgakov M. A. *Dni Turbinyh* [The Turbins Days]. A complete collection of works. M., 1989. Vol. 3, pp. 7-76.
4. Bulgakov M. A. *Rannyyaya redaktsiya posledney glavy romana «Belaya gvardiya» (1925)* [Early Edition of the Last Chapter of the White Guard Novel (1925)]. A complete collection of works. M., 1989. Vol. 1, pp. 524-546.
5. URL: <https://www.t-shevchenko.name/uk/Kobzar/1845/Zapovit.html>. (In Ukrainian).
6. Matishov G. G. *Ukraina: geostrategicheskij razvorot (uroki istorii – ot El'by do Mius-fronta 2014 g.)* [Ukraine: a Geostrategic Turn (Lessons of History – from the Elbe to the Mius-Front 2014)]. Rostov-on-Don, 2014. 384 p.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Дударев С.Л. Этнополитическая и социокультурная обстановка на Украине в конце 1918 – начале 1919 г. (по произведениям М.А. Булгакова) / С.Л. Дударев // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2019. – № 2. – С. 86–100.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Dudarev S.L. Ethnopolitical and sociocultural situation in Ukraine at the end of 1918 – early 1919 (based on M.A. Bulgakov's literature works) // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2019, No. 2, pp. 86–100. (In Russian).